

Galina Zajcewa

Польские мотивы в наследии М. Горького

Acta Polono-Ruthenica 1, 45-56

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Galina Zajcewa
Niznij Nowgorod

Польские мотивы в наследии М. Горького

В неисчерпаемом проблемном пространстве, связанном с поразительной по своей масштабности личностью Горького, писателя и человека, своего внимания заслуживает и „проблематика польская”.

Известные нам материалы позволяют говорить, что заявленная выше тема может быть рассмотрена, по крайней мере, в двух аспектах: во-первых, со стороны проблемы „М. Горький – польские писатели”; во-вторых, в плане наблюдений за отголосками польской темы в художественном творчестве Горького. Оба эти аспекта не исключают, а скорее усиливают и дополняют друг друга. По свидетельству Адама Богдановича (отца известного белорусского писателя Максима Богдановича), Горький уже в начале творческого пути был знаком с классиками польской литературы, такими, как Элиза Ожешко и Генрик Сенкевич, произведения которых хранились у него на одной полке с книгами других больших писателей мира. „Оказалось,- с некоторым удивлением рассказывал Богданович своей сестре после первой встречи с А. Пешковым-Горьким в Нижнем Новгороде в 1896 году,- ...все книги, которые у него имеются, он прочитал, включая такие, как сочинения Шопенгауэра, Ибсена, Стринберга, Бальзака, Флобера, Мопассана, Доде, Ожешко, Сенкевича и многих других”¹.

В дальнейшем Горький получил возможность не только самому приобщаться к литературе польских авторов, но и знакомить с ней отечественного читателя. Подобная просветительская деятельность была развернута им на страницах газеты „Нижегородский листок” в 1899-1903 годах, в тот четырехлетний период существования га-

¹ Л. Зубарев, *Крик Буревестника: Историко-документальная повесть о М. Горьком и Богдановичах*, Минск 1989, с. 52.

зеты, когда Горький оказывал особенно сильное идеологическое воздействие на ее направление.

Согласно заключению советского литературоведа Л.М. Фарбера, в эти годы в газете были хорошие знатоки польской литературы (редактор С.И. Гриневицкий и его жена), имелся свой переводчик (А.В. Яворовский – нижегородский адвокат и писатель), и отдел художественной литературы часто восполнялся переводами из украинских и польских авторов. Отмечено, что здесь печатались произведения классиков польской литературы XIX века и писателей начала XX столетия: А. Мицкевича, Ю. Словацкого, Г. Сенкевича, М. Конопницкой, а также Анджея Немоевского (легенда *Прометей*), Густава Даниловского (рассказ *Поезд*), Стефана Жеромского (рассказы *Табу*, *Сумерки*).²

В советском литературоведении оказался особо подчеркнутым факт увлечения Горького польской литературой и его взаимосвязей с литературной Польшей – в нижегородские годы рубежа веков.³ Сам по себе этот факт убедителен и несомненен. Дополнительное тому доказательство – обнаруженный нами в Нижнем Новгороде, в музее Горького текст первой пьесы писателя – *Мещане* (на польском языке львовского издания 1903 года, в переводе Адама Селецкого, с развернутым дарственным автографом переводчика).

Однако можно утверждать, что внимание Горького к польской литературе не закончилось вместе с его так называемым „Нижегородским периодом” жизни (писатель уехал из Нижнего Новгорода в январе 1904 года). Интерес к польской культуре и польским проблемам может быть отнесен к числу „сквозных” интересов Горького, охвативших дальнейшие периоды его деятельности и творчества.

По свидетельству эпистолярного наследия писателя, он в 1907-1908 годах, в ту пору уже вынужденный эмигрант и житель острова Капри в Италии, пытался наладить издание польской литературы через издательство „Знание”, соруководителем которого Горький был, как известно, вместе с К.П. Пятницким. В начале 1907 года Горького посетил на Капри Стефан Жеромский, с которым обсуж-

² Л.М. Фабер, *Украинские и польские писатели в горьковском „Нижегородском листке”*, „Ленинская смена”, 1973, 17 мая.

³ См.: „Вопросы литературы”, 1974, № 1, с. 312-313.

дались вопросы взаимодействия братских литератур. В результате этой встречи появилась идея одного „интересного дела”, о котором Горький 30 января (12 февраля) 1907 года писал Е.П. Пешковой: „Много говорим – я и К[онстантин] П[етрович] с Жеромским, ждем приезда Даниловского, с его приездом м.б. решим одно интересное дело”.⁴ В письме к издателю И.П. Ладыжникову, написанному в те же сроки (начало-середина февраля 1907 года), Горький опять пишет о С. Жеромском и проясняет характер возникшего замысла: „Здесь Жеромский, скоро приедет Даниловский. Жеромский - симпатичен. Думаем выпустить сборник польских авторов”.⁵

В дни обсуждения замысла „польского сборника” в окружении Горького родилась еще одна, уже не только просветительская, но и вместе с тем, как мы теперь говорим, „гуманитарная” идея: поскольку С. Жеромский в беседе с Горьким поведал о нелегком быте польских писателей, Горький, Л. Андреев и другие сотрудники „Знания” пришли к мысли о том, что было бы желательным лучшие произведения польских авторов издать одновременно на польском и русском языках. „Это дало бы, - писал Горький, - возможность улучшить материальное положение польского писателя, - трудное, по словам С. Жеромского, и наградило бы русский народ хорошей литературой в хороших переводах”.⁶

По каким-то причинам идея „сборника польских писателей” не была реализована. Возможно, она была вытеснена возникшей в конце этого же, 1907 года, задачей подготовки через издательство „Знание” другого – „благотворительного сборника”, который задумывался с вполне определенной политической целью – сбора средств на революционное движение. 13 декабря 1907 года Горький писал К.П. Пятницкому: „Участвовать в этом деле мне необходимо,” - и здесь же приоткрывал завесу над возможным составом участников сборника, который включал в себя виднейших политических и литературных деятелей России.

⁴ Архив А.М. Горького, т. IX, Москва 1966, с. 23.

⁵ Архив А.М. Горького. Письма к писателям и И.П. Ладыжникову, т. VII, Москва 1959, с. 155.

⁶ Письмо А.М. Горького В. Фельдману от января-февраля 1907 года, [в.] Литературное наследство. Горький и Л. Андреев. Неизданная переписка, т. 72, Москва 1965, с. 425.

„Сборник – литературно-публицистический,- писал Горький. - Редактор по литературе – Вересаев, по публицистике – И.И. Скворцов-Степанов. Сотрудники: Ленин, Богданов, Луначарский, Рожков, Покровский, Вересаев, я...”⁷

Однако показательно, что и в данной ситуации, при переходе к замыслу нового сборника, Горький не оставил в стороне „польскую тему”. В письме к В.В. Вересаеву (13 декабря 1907 года) он обещает прислать для сборника „маленький рассказ Даниловского *Поезд*, еще не переведенный на русский язык”,⁸ а также рассказ Жеромского. Предполагалось, что эти произведения переводит польский публицист Бржозовский, живший в то время во Флоренции, охарактеризованный Горьким как „очень талантливый и очень знающий человек”. Ему было предложено подготовить для планируемого сборника статью о новой польской литературе, которую, заметил Горький в письме В.В. Вересаеву, - мы знаем так плохо”.⁹

Замысел второго сборника постигла та же участь, что и замысел первого: он не был воплощен в жизнь. Однако история обоих несостоявшихся сборников и начатый процесс их формирования ценны тем, что дают материал для уяснения принципиального взгляда Горького на польскую литературу, ее отдельных авторов, а также позволяют понять мотивацию его позиций.

Заинтересованное внимание Горького к польской литературе уходит корнями, прежде всего, в проблему этническую и генетическую. Не приходится сомневаться в том, что постоянство и глубина интереса великого русского писателя (здесь не место касаться проблемы неоднозначности его восприятия в современной России!) к полякам (равно как к чехам или болгарам), их литературе, искусству, историческим судьбам, вытекала, не в последнюю очередь, из

⁷ *Архив А.М. Горького. т. IV. Письма к К.П. Пятницкому*, Москва 1954, с. 221.

⁸ Как установлено Л.М. Фабером, рассказ Даниловского *Поезд* к этому времени уже был напечатан в „Нижегородском листке”. Горький либо забыл об этом, либо посчитал недостаточно квалифицированным нижегородский вариант перевода.

⁹ *Архив А.М. Горького, т. VII. Письма к писателям и И.П. Ладыжникову*, Москва 1959, с. 62.

того, что он всегда жил в ощущении своей общей с ними славянской родословной. Тому есть некоторые свидетельства.

„Славянке от славянина на добрую память”, - с такой надписью Горький подарил роман *Мать* супруге болгарского посла в Италии Дмитрия Ризова, посетившего его в 1912 году на Капри.¹⁰ Болгарский же писатель Петко Тодоров, не раз бывавший у Горького в Италии, писал о нем в апреле 1912 года К. Кристеву: „Впечатление поистине неожиданное и незабываемое. Долго беседовали с ним преимущественно на литературные темы. [...] Говорил с любовью о нас, болгарях, и обо всем славянстве.” А значительно ранее, в 1907 году, в письме В. Фельдману, Горький признавался: „Горячо люблю польскую литературу и был бы рад познакомить русский народ с духовной жизнью его братьев по крови”.¹¹

Однако большую роль в формировании литературных симпатий Горького играли (помимо не затронутых здесь эстетических факторов) также факторы нравственно-мировоззренческого порядка. Автор, вошедший в литературу с поэтическими гимнами свободолюбивой, духовно раскрепощенной личности (см.: *Макар Чудра, Старуха Изергиль, Мальва, О маленькой фее и молодом чабане*), он преклонялся, по его признанию, перед народом польским, неутомимым в его великой борьбе за свободу. Но интернационалистские, противоречащие официальной российской самодержавной политике взгляды писателя, сочетались в сознании Горького с социально-общественными, романтико-социалистическими по своему характеру – идеалами человеческого мироустройства. И когда позиции его братьев по перу приходили в противоречие с этими общественными устремлениями, Горький вставал на сторону своей правды, сформировавшейся у него под влиянием его личного опыта и подкрепленной философскими исканиями авторитетов мировой культуры. В этом случае возникали драматические разногласия, как в ситуации, возникшей в 1908 году между Горьким и Сенкевичем, нашедшей отражение в *Летописи жизни и творчества А.М. Горького*.¹²

В январе 1908 года Горький получил письмо-анкету от Сенке-

¹⁰ Л. Быковцева, *Горький в Италии*, Москва 1979, с. 128.

¹¹ *Летопись жизни и творчества А.М. Горького* (в дальнейшем - ЛЖТ), вып. 9, Москва 1958, с. 2687.

¹² ЛЖТ, Москва 1958, с. 6, 7.

вича с обращением к европейской интеллигенции в связи с конфискацией Вильгельмом II земель польских помещиков. В этом обращении Сенкевич назвал частную собственность „краеугольным камнем социального здания”. Утверждение Сенкевича вызвало корректное, но твердое возражение Горького. Как вспоминал писатель в 1930 году в статье *Беседы о ремесле*, в его теорию прогресса, складывающуюся у него на заре выработки взгляда „на ход жизни”, „вообще не вмещались хозяева”. „Из всех премудростей, которые слышал и читал я, в память врезалась,- писал он,- особенно глубоко одна, сказанная Пруденом: «Собственность есть кража». Это было совершенно ясно для меня”.¹³ Поддержку этим взглядам писатель нашел еще в 1890-е годы в книге Эдуарда Гиббона *История упадка и разрушения Римской империи*, ставшей настольной книгой Горького на протяжении всей его жизни. В тексте этой книги, три комплекта которой хранятся в личной библиотеке Горького в Москве, осталась отчеркнутой синим горьковским карандашом фраза: „самыми крепкими оковами деспотизма служат наши желания и наша привязанность к собственности”.¹⁴ Понимание отношения Горького к институту собственности делает понятной категоричность его ответа Сенкевичу: „Я глубоко уважаю Ваш талант художника,- писал Горький,- и мне грустно узнать, что Вы так думаете о силе, наиболее враждебной человеку, наиболее искажающей сердце и разум его... Что же возмущает вас,- продолжает он,- если Вы сами утверждаете неизбежность идола, в жертву которому ныне обречены Ваши соплеменники?”¹⁵ Анкета Сенкевича затронула, судя по всему, важные струны горьковского отношения к жизни. Не случайно он был так заинтересован в публикации своего ответа: опасаясь, что Сенкевич не найдет нужным его напечатать, в январе-феврале 1908 года Горький обращался в письмах к И.П. Ладыжникову и Ленину с предложением, если ответ на анкету не появится, поместить его в партийной прессе.¹⁶

Заметим однако, что горьковское эпистолярно-публицистическое наследие чаще всего (а точнее – преимущественно) дает при-

¹³ М. Горький. *Собрание сочинений: В 30-ти т.*, т. 25, Москва 1953, с. 345.

¹⁴ Л. Быковцева. *Горький...*, с. 204.

¹⁵ *ЛДЖТ*, вып. 2, с. 6.

¹⁶ Там же, с. 7.

меры духовно-эстетических соприкосновений, а не расхождений в „диалоге” Горького с польскими авторами. Общая картина духовных контактов Горького с польскими писателями позволяет говорить, что он склонен был не только просвещать русскую читающую публику, предлагая ей лучшие образцы польской литературы, но в ряде случаев использовал их в качестве ориентиров для начинающих российских литераторов. Так, известно, что среди опекаемых Горьким в 1900 годы писателей был начинающий автор Л.А. Никифорова. Именно ей в мае 1910 года Горький советует написать книгу о „Бабе – все равно в каких юбках: в шелковых или холщевых”.¹⁷ А в качестве особого достижения в разработке этой женской темы рекомендует, наряду с произведениями скандинавов, книгу Жеромского в переводе Троповского *История греха*, характеризуя ее как „книгу пессимистическую, но – искреннюю”.

*

История горьковских контактов с писателями Польши вбирает в себя сюжет, завязку которого удалось найти в небольшом штрихе эпистолярия Горького – постскриптуме писателя к письму редактору журнала „Современник” Е.А. Ляцкому от 5 (18) ноября 1912 года. Этот „эпизод” любопытен тем, что позволяет затронуть новый, дополнительный аспект темы исследования, касающийся проблемы „польских мотивов” в творчестве и эстетических исканиях самого Горького.

В приписке к упомянутому письму Горький просил: „Мне нужно бы иметь роман Реймонта *Мужики* – не распорядитесь ли, чтоб купили эти книги и выслали мне? Пожалуйста!”¹⁸ Форма обращения к Ляцкому („Мне нужно бы иметь...”) дает основание предположить, что Горький, к моменту изложенной в письме просьбы, был уже знаком с эпопеей о мужицкой жизни классика польской литературы XX века Владислава Реймонта (1867-1925) и собирался приобрести его 4-х томную книгу в личное пользование. Подобным образом он поступал лишь в случаях (как это было, в частности,

¹⁷ *Архив А.М. Горького*, т. VII, с. 86.

¹⁸ *Литературное наследство. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка*, Москва 1988, с. 528.

с названной выше книгой Гиббона о крушении Римской империи), когда придавал произведению особую значимость.

Роман Реймонта *Мужики* печатался в 1902-1908 годах в варшавском журнале „Tygodnik Ilustrowany”. В Москве книга Реймонта была издана в переводе Владислава Ходасевича (он был сыном польского эмигранта!) в 1910-1912 годах в издательстве „Польза”. Об этом издании, скорее всего, шла речь в письме Горького. Почему *Мужики* Реймонта смогли вызвать столь сильную заинтересованность Горького? Выход романа польского писателя совпал со временем особого сосредоточения русской литературы на вопросах, стимулированных событиями 1905-1907 годов, о народном, крестьянском характере, о „русской, славянской душе”, о путях развития России. Напомним, что в 1909 году Горький, размышляя над этими вопросами, написал повесть *Лето*, высказав оптимистическую концепцию, утверждающую, что события прошедших революционных лет оставили след в душе народа, духовно пробудив его и вселив в его душу заряд активности. В 1910 году во внутренней полемике с этой повестью Горького была создана бунинская *Деревня*. Высоко оцененная Горьким („тузовая вещь”), эта повесть была окрашена в мрачные тона и рисовала правдивую, но безрадостную и бесперспективную картину народной жизни. Вышедший вслед за *Деревней* *Суходол* лишь углубил позицию первой повести. В эти же, 1911-1912 годы, писатель из крестьян Иван Вольнов, „беря уроки” у Горького, писал на Капри свою удивительную *Повесть о днях моей жизни*, одновременно сострадая крестьянину и проклиная жуткие условия его жизни.

С 1908 года Горький начал переписку с другим крестьянским писателем – Иваном Касаткиным, получая от него рассказы, правил их и публиковал в сборниках „Знание”, заодно прислушиваясь к свежему голосу непосредственного участника народной жизни России...

Усадебная, дворянская и крестьянская Россия, люди, вышедшие из деревни, „дремучий” народ нетронутых сельских глубин, жизнь русского забитого нуждой крестьянина находили освещение в ту пору в произведениях многих русских писателей (А. Толстого, А. Чапыгина, В. Муйжеля, И. Родионова и др.), творчество которых находилось в орбите напряженного внимания Горького.

„Проблема мужика” являлась предметом мучительных раздумий Горького вплоть до последних дней его жизни. В книге Реймонта писатель мог найти энциклопедическую по размаху материала картину жизни польской деревни рубежа веков на сложнейшем историческом этапе разрушения патриархально-замкнутого деревенского быта и наступления капиталистических норм бытия.

Многое в этой книге звучит в унисон с мыслями, чувствами и эстетическими вкусами самого Горького. Не трудно представить, насколько близок оказался ему, „пришедшему в мир, чтобы не соглашаться”, проповеднику активного отношения к жизни, противнику рабства, социальный срез сюжета романа: жители села Липцы в романе Реймонта проникаются сознанием необходимости передела помещичьих земель, отстаивая свои права на серветутный лес, вступают в вооруженное столкновение с помещичьей дворней, затем, защищая свои земли, в едином порыве встают стеной против немецких колонистов, а в сцене общественно-гминного схода оказывают сопротивление царской администрации, проводящей политику русификации школ.

Близкими горьковской концепции крестьянского характера предстают пластически выписанные в романе психологические портреты его героев: старика Мацея Боруны, его сына Антека, снохи Анки, молодой жены Мацея – Ягны, ее матери и братьев и т.д. Реймонт создал характеры многогранные, поражающие сложным сплетением в их душах наносного, предрассудочного, ущербного, объясняемого господствующими в селе нормами борьбы за жизнь, и в то же время истинно человеческого, гуманного, отзывчивого на чужую боль и общественные нужды.

Наконец, роман Реймонта не мог не потрясти Горького поистине феноменальной наблюдательностью автора, создавшего исключительные по своей выразительности картины природы, передавшего ощущение органического единения земли и человека, живущего на ней.

Близость творческих взглядов на логику развития крестьянской жизни, сходство концепций крестьянского характера в романе Реймонта и произведениях Горького, так или иначе связанных с мужицкой темой (рассказы 90-х годов, *Мать*, *Лето*, *По Руси* и др.), могут быть объяснены типологической общностью творческих

решений, обусловленных близостью самого исходного жизненного материала, осмысляемого писателями (польская и русская деревня на переходном этапе истории). Но в данном случае, на наш взгляд, можно говорить и о другом – о возможном воздействии книги Реймонта на один из творческих замыслов Горького. Сила впечатления от *Мужиков* Реймонта, эмоционально убедительно выразившего мысль о земле как наивысшей жизненной ценности крестьянина, могла подвигнуть Горького (уверенного в том, что в деревенской жизни есть как своя проза, так и своя поэзия, но сознательно отдавшего свое перо прежде всего прозе) на создание одного из его самых „светлых” рассказов о мужике - рассказе *Покойник*. Рассказ этот (первоначально названный *По Руси*), по утверждению комментаторов полного собрания сочинений писателя (т. 4, с. 610), был напечатан „не позднее 31 августа 1912 года”, то есть где-то близко к моменту обращения Горького с просьбой приобрести для него книгу Реймонта, скорее всего, как мы отмечали, к тому времени уже известную автору.

Роман Реймонта и рассказ Горького близки удивительным созвучием сцен, изображающих фигуру сеющего крестьянина. В связи с разной жанровой природой этих произведений, в романе Реймонта указанная сцена представляет собой лишь одну из самых поэтических картин многосоставного объемного целого; в рассказе же Горького она является идейной доминантой размышлений рассказчика, сцепляющих его неспешное повествование. Общность очевидной индивидуализации стилизованного исполнения „сцен сева”: в романе Реймонта картина предсмертного, почти молитвенного ночного сева Мацея Барыны выписывается реалистически конкретными красками писателя-живописца, а в рассказе Горького конкретная фигура умершего „маленького, обычного человека” – всю жизнь „сеятеля” – переплавляется в сознании проходящего в символический величественный образ „огромного тысячегрудового человека”, оживляющего трудом своим мертвую степь... Рассказ Горького *Покойник* стоит загадочным особняком в творчестве Горького, обращенного к проблеме мужика, ибо именно здесь он сумел отдать должный поклон крестьянину-хлебопашцу-всех питателю и преклониться перед его умением созидать, „превращая мертвое в живое”...

К портрету Горького – в его отношении к „польскому материалу” – помимо затронутых аспектов темы (Горький – читатель, Горький – просветитель, Горький – писатель в его повороте к опыту польской литературы), следует добавить еще один штрих: Горький – художник с его творческим опытом освоения „польских мотивов” в ткани художественных произведений.

В художественном наследии Горького среди героев его произведений можно встретить персонажей-поляков. Обращение писателя к освоению инонационального человеческого материала всегда дело не только индивидуальное, но и ответственное, так как от писателя ждут в этих случаях откровений, связанных с постижением души народа, с попытками выявления национально-типического. Но Горький, который отказывался, в частности, признать, что представление о русском человеке, крестьянине можно выразить в одном художественном типе, и в данном случае, при обращении к изображению героев-поляков, представил, скорее всего, различные варианты человеческих характеров, акцентируя в их человеческой сущности не национальное, а общечеловеческое содержание, к тому же – мотивированное художественным замыслом произведения.

Убедительные примеры такого подхода можно найти в произведениях как раннего, так и зрелого Горького. Значительный интерес в этом плане представляет рассказ Горького *Старуха Изергиль*, история создания которого связывается с 1893-1895 годами, и *Повесть о первой любви* – произведение 1923 года.

В *Старухе Изергиль* четыре персонажа-поляка – объекты любвеобильного темперамента Изергиль – даются в восприятии и чаще всего нелицеприятной оценке самой героини. Но произведение, вбирающее в себя, помимо рассказа героини о себе, вставные новеллы о Ларре и Данко, включает в общую авторскую оценочную атмосферу и саму старуху Изергиль, с ее жизненными ценностями, тем самым внося коррективы в ее суждения.

Рассказ *Старуха Изергиль* и *Повесть о первой любви* сцепляются одним проходящим через их ткань мотивом, связанным с освещением (в первом случае – иносказательно, подтекстово, во втором – с конкретной очевидностью) образа поляка, за которым стоит вполне определенный, „живой” прототип – Болеслав Корсак, сопер-

ник молодого Горького в его „первой любви” к Ольге Юльевне Каминской (Гюнтер). Биографический облик Б. Корсака нуждается в дополнительном историческом освещении, но уже имеющиеся о нем сведения, в сравнении с художественным результатом их воплощения в произведениях, дают возможность войти как в драматическую, бурную страстями страницу горьковской юности, так и войти в творческую лабораторию писателя, которого не только субъективное человеческое чувство (ревность к Б. Корсаку), но и авторский замысел художественного произведения позволили „упростить” (а в целом явно снизить) портрет реального человека.

Судьбы выведенных в этих произведениях персонажей заставляют воспринимать их в контексте исторических событий, так или иначе связанных с эпизодами их жизни, среди них – восстание в Польше 1863 года, борьба русского и польского народов с царским самодержавием. Наконец, еще один „эпизод”. В 1913 году в пьесе *Чудаки* Горький доверил одному из самых симпатичных персонажей пьесы – Самоквасову – высказать заботу о судьбе России, ее положении в Европе, о наступательных интересах Германии, связав с этими вопросами и проблему Польши.

Этот пример – еще одно из доказательств в ряду всего сказанного выше о постоянном и неравнодушном внимании Горького, писателя и человека, к своим „братьям по крови”.